
Витта Линберг
Рождество с аферистом
2.
Афера в Вегасе

Витта Линберг

Рождество с аферистом
2. Афера в Вегасе

«Литнет»
2026

Линберг В.

Рождество с аферистом 2. Афера в Вегасе / В. Линберг — «Литнет», 2026

Снежный Вермонт остался позади, а ставки взлетели до небес. Враг уничтожил мою репутацию, заморозил контракты и загнал нас в угол. Но Коул Бэннон не из тех, кто сдается без боя, а я не привыкла прятаться за чужими спинами.Мы летим в сверкающий, беспощадный Лас-Вегас, чтобы вступить в финальную игру против человека, который не знает пощады. Нам придется блефовать в закрытых залах казино, скрываться в подпольных мастерских и идти ва-банк, когда на кону стоят чужие судьбы, свобода и наше будущее.Но чем выше опасность, тем сильнее пламя между нами. И в эту новогоднюю ночь мы заберем свой главный банк — чего бы нам это ни стоило.Вторая, заключительная часть дилогии. Вас ждут: Бешеная динамика, юмор и авантюры на грани фола; Откровенная страсть, доверие и мужская защита; Долгожданный новогодний хэппи-энд в заснеженном Вермонте!

© Линберг В., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 10
Глава 4 12
Глава 5 15
Глава 6 17
Глава 7 20
Глава 8 23
Глава 9 26
Глава 10 29
Глава 11 34
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Глава 1

Пятница, 25 декабря

Мы вернулись в усадьбу в половине первого ночи.

Снег прекратился. Небо над долиной выморозило до стеклянной, режущей черноты, усыпанной колючей звездной крупой. Вдоль серпантина выли ледяные вермонтские сквозняки, а пикап Уолта урчал тяжело, надсадно переваливаясь через свежие наметы на колее.

В доме стояла глухая, мертвая тишина.

Праздничные огни на трехметровой пихте продолжали мигать своим теплым медовым светом, бросая на бревенчатые стены золотистые и изумрудные блики. На дубовом острове сиротливо стояли пустые формы для выпечки, присыпанные тонким слоем белой муки. Все выглядело точно так же, как днем — до того, как Маркус Вейл выкатил на подиум стеклянный барабан и растоптал пять лет моей жизни в пыль под аплодисменты четырехсот пьяных банкиров.

Дейл и Расти вошли следом, волоча пустые термобоксы.

Оба великана сбросили прокатные смокинги прямо в прихожей, швырнув их на скамью с такой злостью, словно эта ткань жгла им плечи. Дейл не проронил ни слова. Его широкое, добродушное лицо потемнело, кулаки размером с пивные кружки сжимались до белизны в костяшках. Расти с грохотом прислонил ореховую трость к косяку, опустился на табурет и тяжело, с присвистом выдохнул:

— Стеклянная банка… Мать его за ногу, стеклянная банка с шариками. Сорок лет на свете живу, а такого развода на лоха не видел. Маркус всегда был падальщиком, но чтоб так подставиться под овации…

— Он не подставился, Расти, — мой собственный голос прозвучал глухо, сухо, будто я наглотался толченого стекла. — Он просчитал меня. Знал, что я полезу ломать сервер, и просто убрал сервер из уравнения. Классический разрыв шаблона.

Я прошел вглубь кухни, сорвал с шеи шелковую бабочку, швырнул ее на мрамор острова и с силой уперся ладонями в полированный камень.

Внутри меня клокотала черная, ядовитая пустота.

Я не боялся за себя. Мне было плевать на улюлюканье толпы, плевать на шерифа и насмешки в кулуарах. За девять лет в Вегасе с меня сдирали кожу и похуже. Но в кармане Эбби лежал смартфон, экран которого каждую секунду вспыхивал ледяными системными уведомлениями:

«Hearthside: действие рекламного контракта № 408-В заморожено в одностороннем порядке…»

«Платформа: монетизация страницы "Дикое Рождество" временно приостановлена по требованию этического комитета…»

«Комментарии: +14 800 новых сообщений…»

Сеть бесновалась.

Пока мы тряслись по горной дороге, интернет раскололся пополам. Половина комментаторов — ведомая ботофермами Виктории Крэйн и бостонскими таблоидами — поливала Эбби отборной грязью, называя «соучастницей вора», «дешевкой с краденными деньгами» и «лицемерной хозяйкой с фальшивым тестом». Вторая половина — те самые живые триста тысяч подписчиков, которые смотрели ее стримы без монтажа — яростно огрызалась, пытаясь защитить ее право на ошибку и правду.

Но цифры на бирже были неумолимы. Без контракта со спонсором ее студия была банкротом.

Я сломал ее жизнь. Сам. Своими собственными руками, пытаясь доказать мертвому Уолту, что умею держать удар.

Я медленно поднял голову, глядя в темноту коридора. На вешалке висела моя старая куртка на овчине, а в кармане джинсов лежали ключи от пикапа и паспорт.

«Уехать. Прямо сейчас. Через канадский перевал, пока Крэйн празднует победу. Если меня не будет рядом — Мэри-Бет выведет Эбби из-под удара за сорок восемь часов, выставив ее жертвой манипулятора. Ее канал восстановят. Спонсоры вернутся. Ей просто нужно избавиться от токсичного груза по имени Коул Бэннон».

Я сделал шаг к прихожей, протягивая руку к куртке.

— Только попробуй, Бэннон, — раздался сзади тихий, ледяной, предельно ровный голос.

Я замер.

Эбби стояла в проеме между кухней и гостиной. Она уже скинула туфли на шпильках, оставшись босой на деревянном полу. Ее темно-изумрудное шелковое платье струилось вдоль тела, открывая изгиб спины, темные густые волосы слегка растрепались, но в карих глазах горело такое яростное, несгибаемое пламя, перед которым пасовал любой мороз.

Она подошла ко мне вплотную. Не стала кричать. Просто взяла мою руку, протянутую к куртке, опустила ее вниз и с силой впечатала свои пальцы в мою ладонь:

— Ты куда-то собрался в Сочельник, математик?

— Эбби, посмотри в свой телефон, — хрипло выговорил я, не в силах выдерживать ее прямой взгляд. — Контракт с Hearthside расторгнут. Канал заморожен. Вся страна сейчас обсуждает видео из нашей кухни. Я притащил в твой дом войну, которой ты не заслуживала. Если я исчезну до рассвета, Мэри-Бет представит тебя пострадавшей стороной. Ты спасешь проект.

— Заткнись, — спокойно, без тени сомнения произнесла она.

Она подняла вторую руку и прижала ладонь к моей щеке — твердо, горячо, заставляя меня поднять глаза и посмотреть ей прямо в зрачки:

— Мой проект — это не бумажка от корпорации Hearthside, Коул. И не галочка верификации на сервере. Мой проект — это я. Мои рецепты, мои руки и люди, которые мне верят. Ты думаешь, я пять лет терпела выкрутасы Брэндона, чтобы сейчас испугаться кучки трусов в смокингах?

Она придвинулась еще ближе, прижимаясь всем телом к моей груди:

— Ты вышел на сцену и сказал правду. Ты признал свою ошибку перед четырьмя сотнями подонков, которые грабят людей годами и называют это «бизнесом». Я никогда в жизни… слышишь меня, Коул? Никогда в жизни не гордилась мужчиной так, как гордилась тобой сегодня на этой проклятой сцене.

Горло перехватило жестким, горячим спазмом.

Я зажмурился, чувствуя, как пятилетний лед внутри трещит по швам, осыпаясь осколками. Притянул ее к себе, зарываясь лицом в ее густые темные волосы, вдыхая родной аромат корицы и теплой кожи. Мои руки сжались на ее талии с такой жадной, отчаянной силой, словно она была единственной соломинкой, удерживающей меня над пропастью.

— Мы не сдадимся, Эбби, — выдохнул я ей в шею. — Клянусь тебе. Мы заберем Слоун и сломаем его лотерею в Вегасе до основания.

— Конечно заберем, — прошептала она, целуя меня в висок. — А сейчас — спать. Хотя бы четыре часа. Утро вечера мудренее.

Мы проснулись около девяти утра от странного, непрерывного, глухого рокота, доносившегося с улицы.

Глава 2

Это был низкий, слаженный гул десятков работающих автомобильных двигателей, скрип сотен колес по замерзшему гравию и обрывки громких, возбужденных голосов.

Я мгновенно скатился с кровати, натягивая фланелевые брюки и хватая с тумбочки рацию.

Эбби уже накинула свой шерстяной кардиган, подбежала к панорамному окну спальни и распахнула шторы.

— Коул… — выдохнула она, прижав ладонь к губам. — Боже мой… Иди сюда. Быстрее.

Я подошел к стеклу и замер, онемев.

Вся подъездная дорога к коттеджу «Хемлок-Лодж» — на добрых полмили вниз по склону холма — была плотно, бампер к бамперу, заставлена машинами.

Старые пикапы местных фермеров с прицепами для сена, семейные минивэны, кроссоверы с лыжными багажниками на крышах и даже ржавый школьный автобус из Пайн-Холлоу. На снегу перед деревянным забором усадьбы толпились не меньше сотни людей в теплых пуховиках, вязаных ушанках и валенках.

Впереди всех, опираясь на лопату для снега, стояла дама в лиловом берете — миссис Хиггинс из Женского клуба. Рядом с ней переминался хозяин бакалеи мистер Торнтон, а вокруг них суетились десятки незнакомых молодых людей с термосами и дорожными сумками — те самые подписчики из Вермонта и соседнего Нью-Гэмпшира, которые сорвались с мест ночью после прямого эфира.

Они приехали с едой.

На длинных раскладных столах, выставленных прямо на утоптанном снегу перед крыльцом, высились десятки дымящихся кастрюль, противней и плетеных корзин. Огромные жареные индейки, укутанные в фольгу, глиняные горшки с тушеной фасолью по-бостонски, стопки горячих кукурузных лепешек, яблочные пироги, домашний сидр и гигантские жестяные коробки с печеньем.

Настоящий вермонтский рождественский потлак. Древняя традиция Новой Англии, когда вся община собирается в складчину, чтобы накормить и защитить соседа, в чей дом постучалась беда.

Снизу послышался топот тяжелых ботинок.

Входная дверь распахнулась настежь. На пороге стоял Дейл — с широко открытыми глазами, фартуком, наспех повязанным поверх треников, и с охапкой деревянных разделочных досок:

— Мисс Эбби! Шеф! Выгляните на крыльцо! Там… там половина графства приехала! Говорят: «Плевать мы хотели на бостонских юристов, мы привезли Рождество нашей хозяйке!»

Эбби посмотрела на меня. В ее темных глазах стояли крупные, чистые слезы, но на губах цвела такая сияющая, непобедимая улыбка, что у меня перевернулось все внутри.

Она не стала краситься и надевать шелка. Натянула высокие войлочные угги, повязала темные волосы алой лентой и шагнула на крыльцо навстречу морозному солнцу.

Толпа на поляне взорвалась приветственными криками, аплодисментами и автомобильными гудками.

Следующие пять часов превратились в самый безумный, теплый и искренний праздник, какой только видела эта земля со времен постройки коттеджа Уолта.

Дейл и Расти вытащили во двор тяжелые чугунные жаровни, раскочегарив березовые угли до белого каления. Мы грели сидр с гвоздикой в пятидесятилитровых котлах, нарезали остывшую индейку, раздавали пряники детям и принимали десятки рукопожатий. Фермеры хлопали меня по плечу, передавая привет «старику Уолту», женщины обнимали Эбби, благо-

даря за честность, а молодые ребята-кодеры из Берлингтона жадно выспрашивали меня про архитектуру *Fairplay*, обещая развернуть независимые узлы валидации на своих домашних серверах.

Эбби была душой этого вихря.

Она смеялась, раздавала соусы, подкладывала пироги в тарелки соседей и светилась изнутри такой первобытной, несокрушимой силой, перед которой меркли любые миллионы Маркуса Вейла. Она доказала главное: ее капитал был не в контрактах. Ее капитал был в людях, которые ели с ее стола.

К трем часам дня мороз начал крепчать.

Гости постепенно разъезжались, увозя с собой пустые кастрюли, теплые воспоминания и оставив на крыльце гору подарков, дров и домашних заготовок на три зимы вперед.

Мы вернулись в дом, пропахшие дымом костра, печеными яблоками и хвоей. В гостиной приятно гудел камин.

Дейл с Расти, совершенно выбившись из сил, устроились у кухонного острова, пересчитывая пустые банки из-под варенья и довольно переглядываясь.

Эбби подошла ко мне, держа в руках аккуратный сверток из плотного зеленого сукна.

— Я не успела отдать тебе это вчера ночью, — тихо сказала она, разворачивая ткань.

В ее руках лежал поварской фартук из плотной вощеной парусины темно-серого графитового цвета — профессиональный, с кожаными ремнями и латунными заклепками. А на нагрудном кармане шелковой золотой нитью был филигранно вышит геометрический логотип: открытый замок внутри математического знака бесконечности и аккуратная надпись: *«Fairplay. Архитектура честности»*.

Неужели она вышила его сама? Ночами, пока я рассчитывал вероятности в мастерской?

— Чтобы ты помнил, ради чего затеял эту драку, Бэннон, — прошептала она, глядя мне прямо в душу. — Ты больше не шулер. Ты создатель правил. Хотя… немножечко и аферист.

Я медленно провел пальцами по рельефным стежкам вышивки. В горле снова встал комок. Впервые за девять лет скитаний по мотелям и казино я почувствовал под ногами не зыбкий песок чужих блефов, а гранитную твердыню настоящего дома.

Я притянул Эбби к себе, крепко поцеловав в теплые, пахнущие сладким сидром губы:

— Спасибо, родная.

В этот момент тяжелая дубовая входная дверь коттеджа тихо, без стука скрипнула.

На пороге прихожей стояла женщина.

Она была в неприметном темно-синем пуховике без логотипов, теплых зимних ботинках и шерстяной шапке, из-под которой выбивались короткие русые волосы с проседью. В руках она держала скромную дорожную сумку.

Та самая женщина со скромным лицом и цепким взглядом, которая вчера на балу взяла тарталетку с брусникой и кивнула Эбби перед арестом.

Она сделала шаг в гостиную, закрыла за собой дверь и стянула перчатку.

— Добрый день, мистер Бэннон. Мисс Хартли. Простите, что без приглашения, но времени на протокольные любезности у нас нет.

Женщина полезла во внутренний карман пуховика, извлекла тяжелое кожаное портмоне и раскрыла его перед нами.

На золотом жетоне тускло блеснула государственная гравировка штата Невада:

«Ава Куинн. Старший специальный следователь Контрольной комиссии по азартным играм штата Невада. Отдел расследований особо тяжких экономических преступлений» .

В гостиной воцарилась абсолютная, звенящая тишина. Даже Дейл перестал жевать пирог, замерев соляным столбом.

Ава Куинн убрала жетон, подошла к столу и посмотрела мне прямо в глаза — жестко, открыто, по-деловому:

— Я веду разработку Маркуса Вейла и синдиката «Золотой Туз» последние три года, Коул. Мы знали про отмывание денег, знали про офшоры на Кайманах, но у нас не было главного — технического доказательства вмешательства в генератор случайных чисел. Вейл купил судей в Карсон-Сити и прикрылся липовыми аудиторскими сертификатами.

Она сделала паузу, окинув взглядом комнату, адвент-календарь на камине и папку с рукописью Уолта:

— Вчера на балу вы совершили тактическую ошибку, назвав числа до жеребьевки на механическом барабане. Вейл выставил вас шутом перед прессой. Но через шесть дней — тридцать первого декабря — в Лас-Вегасе начнется новогодний суперрозыгрыш на пятьдесят миллионов долларов. И по закону штата Невада на мероприятии такого уровня категорически запрещено использовать ручные барабаны. Розыгрыш обязан транслироваться через государственный сертифицированный цифровой генератор.

Следователь наклонилась вперед, положив обе ладони на дубовый остров:

— Сервер лотереи будет стоять в главном зале «Золотого Туза». Вейл подкрутит его своей воровской петлей, чтобы забрать джекпот в свой карманный фонд. Но если вы приедете в Вегас, Коул… если вы примените формулу «след рыбы» из рукописи Уолтера Грейсона к живому государственному генератору и докажете подкрутку прямо во время трансляции на глазах у федеральной комиссии…

Ава Куинн сжала кулак:

— Мы аннулируем лицензию Вейла за одну секунду. Заморозим все его счета по закону РИКО и закроем его в федеральной тюрьме до конца его дней. А девочку… Слоун мы снимем с рейса на Цюрих прямо у трапа в аэропорту Маккаран по ордеру защиты свидетелей. Вы готовы лететь в Неваду, Бэннон?

Коул медленно перевел дыхание.

Посмотрел на вышитый фартук в своих руках, на сияющую огнями елку, на Дейла и Расти, уже готовых паковать чемоданы, и наконец — на Эбби.

Эбби сделала шаг вперед, встала рядом со мной, переплела свои пальцы с моими и посмотрела следователю прямо в глаза:

— Заказывайте билеты, мисс Куинн. Мы вылетаем вечерним рейсом.

Глава 3

В субботу утром дом окончательно превратился в штаб-квартиру объединенного сопротивления.

За окнами выл ледяной ветер, швыряя в панорамное стекло сухую снежную крупу. На термометре застыли минус двадцать четыре, но внутри коттеджа царил жар, от которого запотевали стекла. В воздухе стояла густая смесь из ароматов свежесваренного кофе с мускатным орехом, печеного слоеного теста, машинного масла и канифоли.

Ава Куинн работала как отлаженный часовой механизм.

Следователь Контрольной комиссии по азартным играм Невады заняла дальний угол дубового острова, разложив вокруг своего служебного защищенного ноутбука папки с золотыми тиснениями регулятора. Ее серые глаза сканировали экраны с безжалостной скоростью следователя, который три года шел по следу одного из самых опасных экономических хищников страны.

— Расклад предельно жесткий, Коул, — произнесла она, отхлебнув черный чай из кружки Уолта и постучав шариковой ручкой по гербовому бланку прокуратуры округа Кларк, штат Невада. — Если мы берем Вейла с поличным на новогоднем суперрозыгрыше тридцать первого декабря, прокуратура штата утверждает мировое соглашение до судебного заседания. Все претензии по декабрьскому инциденту в «Золотом Тузе» аннулируются в связи с сотрудничеством со следствием.

Она развернула ко мне страницу соглашения:

— Тот миллион сто сорок тысяч долларов, который лежит у вас в подвале. После аудита и официального зачисления компенсаций на верифицированные счета пострадавших игроков, остаток средств в рамках федеральной программы защиты информаторов официально признается твоим законным вознаграждением. Пятнадцать процентов от суммы предотвращенного ущерба плюс грант на внедрение систем открытого аудита. Это законный, кристально чистый стартовый капитал для развертывания платформы Fairplay. Ты выходишь из этой войны не просто свободным человеком — ты выходишь легальным разработчиком с государственным сертификатом соответствия.

Дейл, стоявший у плиты в своем неизменном синем фартуке, шумно шмыгнул носом и с силой опустил деревянную лопатку в сотейник с карамелью: — Слыхал, Расти? «Легальный разработчик»! А я говорил — наш шеф по закону любого сенатора за пояс заткнет!

— Не каркай под руку, тесто осядет, — буркнул с дивана Расти, не отрывая взгляда от бинокля, в который он методично сканировал дальнюю лесную дорогу на предмет незваных гостей.

Параллельно у противоположного края стола разворачивалась еще одна битва — битва за информационный суверенитет.

Эбби сидела перед своим тонким двенадцатидюймовым планшетом, надев строгие очки для работы с текстом, которые придавали ее двадцатичетырехлетнему лицу черты неприступного и опасного арбитражного юриста. На экране висела закрытая видеоконференция с Манхэттеном. Дана Восс, старший вице-президент по маркетингу *Hearthside*, сидела в своем кабинете с безупречно прямой спиной, но ее пальцы нервно сжимали золотую ручку.

— Мы не можем рисковать капитализацией бренда, Эбигейл, — сухо, чеканя каждый слог, говорила топ-менеджер. — Вчерашнее шоу в «Мэйпл Ридж» взорвало биржу. Заморозка контракта была вынужденным решением совета директоров. Нас атакуют юристы Вейла, утверждая, что канал был создан на ворованные деньги Миллера.

Эбби даже бровью не повела.

С холодной, царственной грацией она пододвинула к микрофону планшета черный диктофон *Olympus*— подарок раскаявшегося Брэндона с бала.

Нажала «Play».

Динамики заполнил чистый, звонкий, не оставляющий сомнений голос Виктории Крэйн, записанный в бостонском офисе:

«…Плевать я хотела на их пункт семь точка четыре и право первого отказа, Брэндон. Судья в округе куплен с потрохами. Мы выставим Хартли упрямой девкой, задушим встречными исками, а если спонсоры из Hearthside попробуют вмешаться — Вейл перекроет им кредитные линии в трех банках Чикаго. Подписывай задним числом, пока тебе ноги не переломали…»

Эбби нажала на паузу. В наступившей тишине было слышно, как на Манхэттене за окном офиса вице-президента взвыла сирена скорой помощи.

— Это запись официального корпоративного шантажа и коммерческого подкупа, Дана, — спокойно, без тени торжества произнесла Эбби, глядя прямо в камеру планшета. — Нотариально заверенная копия уже сорок минут лежит на столе специального следователя Контрольной комиссии Невады Авы Куинн, которая сидит прямо напротив меня. Юридически холдинг Вейла мертв. И если совет директоров *Hearthside*хочет остаться в этой истории трусливыми пособниками уголовников — вы можете разрывать контракт прямо сейчас.

Она выдержала ледяную паузу, от которой даже видавшая виды вице-президент сглотнула:

— Но если вы хотите забрать себе абсолютный эксклюзив года — вы размораживаете страницу прямо сейчас, удваиваете бюджет кампании и подписываете прямое спонсорство новогоднего спецвыпуска: *«Дикое Рождество с Эбби Хартли: битва за честность в Лас-Вегасе»*. Прямой эфир из эпицентра суперрозыгрыша тридцать первого декабря. Аудитория трансляции перевалит за миллион человек. Выбирайте, Дана. У вас тридцать секунд до того, как я предложу эту запись вашим прямым конкурентам из Williams-Sonoma.

Глава 4

Дана Восс смотрела на девушку долгих пять секунд. На ее холеном лице мелькнуло искреннее, глубокое изумление, которое мгновенно сменилось уважительной улыбкой хищника, встретившего равного по силе вожака стаи.

— Дополнительное соглашение будет в вашей электронной почте через десять минут, Эбигейл, — произнесла вице-президент, и в ее голосе прозвучало неподдельное восхищение. — Мы переводим аванс на ваш личный счет в Берлингтоне. Зажгите этот чертов Вегас так, чтобы в Неваде растаяли все ледники.

Экран погас.

Эбби медленно сняла очки, опустила их на стол и шумно, протяжно выдохнула. Плечи под объемным вязаным свитером винного цвета расслабились, она откинулась на спинку стула и победно посмотрела на меня: — Один — ноль в нашу пользу, Бэннон. Твой черед идти к доске.

В полдень мы ушли в мастерскую Уолта.

Здесь, вдали от шума кухни и телефонных переговоров, царил монастырский покой. Пахло кедровой стружкой, машинным маслом и старым металлом. На верстаке из мореного дуба лежала раскрытая серая папка — рукопись «Адаптивная справедливость» 2019 года.

Я стоял перед большой меловой доской, исписывая ее ровными рядами интегральных уравнений и матриц преобразования.

— Смотри, Эбби, — я постучал кусочком мела по схеме в центре. — Вейл думает, что спрятал концы в воду. Государственный цифровой генератор случайных чисел, который сертифицирован комиссией Невады, работает на физическом источнике шума — тепловом шуме полупроводникового диода. Это абсолютный рандом. Никакой математик в мире не способен предсказать его числа.

— Но Вейл не станет играть честно, — нахмурилась она, кутаясь в теплый овчинный жилет и внимательно вглядываясь в меловые формулы.

— В том-то и дело! — мои глаза горели тем чистым, яростным азартом, который когда-то привел меня в науку. — Чтобы украсть суперприз в пятьдесят миллионов, ему придется вмешаться в работу сертифицированного узла. В рукописи Уолт описал ту самую лазейку — «след рыбы». Когда инженеры Вейла взламывают государственный чип, они накладывают поверх физического шума псевдослучайную последовательность, завязанную на константу времени коммита. Это создает скрытый математический резонанс. Если мы снимем спектрограмму первых трех подготовительных тиражей лотереи перед главным розыгрышем… формула Уолта в обратном порядке вычисляет точный сдвиг фазы.

Я быстро набросал финальное уравнение:

— За сорок секунд до того, как генератор выдаст выигрышную комбинацию, мы уже будем знать все шесть финальных чисел суперприза с вероятностью сто процентов.

Эбби наклонила голову набок, прикусив нижнюю губу. Ее темные глаза сосредоточенно скользили по доске: — Коул.

— Да?

— Это гениально. Но для зрителей прямого эфира и федеральных прокуроров твои матрицы выглядят как заклинания черной магии. Если ты начнешь сыпать терминами вроде «стохастическая дисперсия» и «фазовый сдвиг генератора», люди просто переключат канал, решив, что это очередная хакерская утка.

Я замер с поднятым мелом:

— И как ты предлагаешь это объяснить миллиону человек?

Эбби подошла ко мне вплотную, взяла мел из моих пальцев и с уверенной кулинарной дерзостью перечеркнула сложную тройную скобку:

— Переведи это на язык кухни, Бэннон. Представь, что лотерея — это гигантский чан с рождественским тестом. В идеальном тесте все изюминки распределены абсолютно случайно. Но Вейл — ленивый и жадный. Он бросает изюм горстями в одно и то же место, надеясь, что никто не заметит комочков. Наша задача в эфире — не читать лекцию по сопромату, а просто ткнуть пальцем в этот комок и сказать: «Смотрите, здесь пересолено в сорок семь раз, потому что хозяин положил палец на весы».

Я посмотрел на нее. На ее темные волосы, перевязанные лентой, на крошечное пятнышко мела на кончике ее аккуратного носа, на ее живой, практичный, блестящий ум.

Внутри поднялась такая мощная, теплая волна восхищения, что я не удержался, обхватил ее за талию и притянул к себе, вжимая в меловую доску:

— Хартли, ты самый опасный переводчик с математического в этой вселенной.

— Я просто умею кормить людей правдой, Бэннон, — прошептала она, обвивая мою шею руками и заглядывая мне в глаза с той нежной, обжигающей лаской, от которой перехватывало дыхание. — И сегодня мы накормим ею Неваду.

Ночью мороз усилился до предела.

В спальне на втором этаже было темно и тихо. В камине дотлевали угли, отбрасывая на потолок тусклые рубиновые сполохи. За окном шелестела метель, убаюкивая дом мерным, монотонным шорохом.

Мы лежали под тяжелым пуховым одеялом, сплетясь ногами. Моя рука покоилась на ее животе, пальцы медленно оглаживали теплую, гладкую кожу.

Но я чувствовал: Эбби не спала.

Ее тело было натянуто, как струна. Дыхание оставалось поверхностным, прерывистым, а пальцы судорожно сжимали край простыни.

— Эбби, — негромко позвал я, приподнимаясь на локте и заглядывая в ее лицо. — Что происходит? Ты весь вечер вздрагиваешь от каждого звука.

Она помолчала, закусив губу. В темноте ее глаза блестели от спрятанной глубоко внутри тревоги.

— Самолет, — едва слышно, с глухой детской беспомощностью выговорила она, отворачивая лицо к подушке. — Я… я до паники боюсь летать, Коул. До тошноты, до обмороков. Пять лет назад, когда мы с Брэндоном летели на презентацию в Чикаго, наш борт попал в грозовой фронт над озером Мичиган. Мы падали полторы мили в воздушной яме. Кислородные маски, вой сирен, крики в салоне… С тех пор я ни разу не поднималась по трапу. Всегда ездила на поезде или на машине.

Она повернулась ко мне, и в ее взгляде мелькнула отчаянная, упрямая боль: — Но я полечу с тобой. Завтра в шесть утра. Я сяду в это чертово кресло, даже если у меня разорвется сердце. Потому что я не оставлю тебя одного в этом проклятом Вегасе.

У меня перевернулось все внутри. Эта девочка — хрупкая, двадцатичетырехлетняя хозяйка вермонтской кухни — была готова шагнуть в свой самый страшный персональный ад только ради того, чтобы стоять рядом со мной на линии огня.

Я не стал читать ей лекции по теории вероятностей. Не стал приводить статистику Федерального управления гражданской авиации о том, что шанс погибнуть в авиакатастрофе составляет один к одиннадцати миллионам, тогда как в автомобиле — один к пяти тысячам. В моменты слепого ужаса цифры бессильны.

Я мягко привлек ее к себе, уложив ее голову на свое плечо, провел ладонью по шелковистым темным волосам и негромко, с легкой хрипотцой в голосе произнес:

— Слушай меня внимательно, шеф Хартли. Тебе предстоит приготовить самый сложный десерт в твоей жизни. Он называется «Воздушный пирог над Скалистыми горами».

Эбби всхлипнула, нахмурившись сквозь слезы:

— Что за бред ты несешь, Бэннон?

— Чистая рецептура, — невозмутимо продолжал я, целуя ее в макушку. — Берем две турбины Роллс-Ройс тягой по тридцать тысяч фунтов каждая — это наш миксер. Взбиваем разреженный воздух на высоте тридцати пяти тысяч футов до состояния плотного белкового безе. Ты знала, что на крейсерской скорости плотность воздушного потока под крылом сравнима с густым фермерским киселем? Самолет не может просто взять и упасть, Хартли. Он лежит на этом киселе, как твоя бриошь на противне. Ему физически некуда падать — со всех сторон опора.

Эбби издала тихий, надтреснутый смешок, уткнувшись носом в мою ключицу:

— Кисель? Ты серьезно сравниваешь аэродинамику «Боинга» с киселем?

— Абсолютно, — не сдавался я, чувствуя, как напряжение в ее плечах начинает таять. — А турбулентность — это просто Дейл, который слишком усердно встряхивает форму для суфле, чтобы выгнать лишние пузырьки воздуха. Трясет? Значит, корочка будет хрустящей. Главное правило рецепта: держать за руку главного дегустатора и не открывать духовку раньше времени.

Эбби тихо, открыто расхохоталась — тем самым чистым, звонким смехом, от которого у меня становилось легко на душе. Она приподнялась, накрыла мои губы долгим, теплым, благодарным поцелуем, а затем уютно свернулась калачиком у меня под боком, положив ладонь мне на грудь:

— Дурак ты, Бэннон. Но пирог звучит съедобно.

Через десять минут ее дыхание выровнялось. Она спала крепким, глубоким сном без кошмаров.

В воскресенье вечером, когда термобоксы и чемоданы уже стояли упакованными в прихожей, тишину гостиной разорвал резкий, требовательный звонок смартфона Авы Куинн.

Следователь сняла трубку, выслушала собеседника ровно десять секунд, и ее брови медленно поползли к переносице.

Она сбросила вызов и подняла глаза на нас с Эбби: — Юристы Вейла пошли на отчаянный шаг. Двадцать минут назад Виктория Крэйн подала экстренную судебную жалобу в Верховный суд графства Вашингтон. Они требуют наложить обеспечительный судебный запрет на выезд Коула Бэннона за пределы штата Вермонт до завершения финансовой ревизии. Они пытаются запереть нас в долине административным ресурсом.

Воздух в гостиной мгновенно натянулся струной.

И в эту самую секунду на телефоне Эбби заиграла бодрая кантри-мелодия входящего вызова от Мэри-Бет Оуэнс.

Эбби включила громкую связь.

— Вы уже слышали про пируэты невадской гадюки? — проскрипел из динамика победный, насмешливый голос старой адвокатессы. — Крэйн думает, что нашла лазейку в параграфе сорок два. Заседание суда назначено на завтра, понедельник, ровно на девять ноль-ноль утра в Монтпилиере. Судья Кауфман лично будет рассматривать ходатайство.

Мэри-Бет сделала паузу, смачно отхлебнув чаю на том конце провода: — Так что гладьте костюмы, дети мои. И передайте Дейлу: пусть испечет для судьи Кауфмана свой лучший яблочный пирог с соленой карамелью. Завтра в девять утра мы покажем этим бостонским щеглам, как работает правосудие Зеленых Гор. Не опаздывайте!

Глава 5

В семь тридцать утра старый Монтпилиер напоминал застывшую гравюру на меди.

Самая маленькая столица штата в стране спала под полуметровым пластом сухого, скрипучего снега. Над гранитным куполом Капитолия, увенчанным позолоченной статуей Цереры, поднимались тонкие белые столбы печного дыма. Мороз держался на отметке минус двадцать шесть. Воздух обжигал гортань до кашля, но внутри старенького «Субару» Мэри-Бет Оуэнс стояло такое плотное, густое тепло, что на ветровом стекле таяли ледяные узоры.

На переднем сиденье пикапа Уолта, который шел следом за машиной адвоката, сидели мы с Эбби.

На заднем диване, бережно прижимая к груди ладонями в брезентовых рукавицах тяжелый термобокс, восседал Дейл. В термобоксе покоился шедевр кулинарной дипломатии — свежеиспеченный, еще пышущий жаром яблочный пирог с соленой карамелью и темным вермонтским кленом, укутанный в три слоя льняных салфеток.

— Если этот судья Кауфман посмеет заартачиться, — басил Дейл, нервно поправляя шерстяной шарф, — я ему этот пирог лично на стол выкачу и скажу: «Ваша честь, человек, который делит кухню с создательницей такого теста, в принципе не способен на побег из юрисдикции. Это против законов термодинамики».

Эбби тихо рассмеялась, пряча нос в пушистый воротник своего карамельного пальто. Ее темные густые волосы были заплетены в строгую французскую косу, перехваченную шелковой лентой, а на коленях лежал блокнот с расчетами хронометража нашего прямого эфира в Лас-Вегасе. Она держалась молодцом, но я чувствовал, как под шерстяной варежкой ее тонкие пальцы то и дело сжимали мою ладонь. Она помнила про самолет. Про те самые тридцать пять тысяч футов высоты, которые ждали нас впереди.

Здание окружного суда графства Вашингтон представляло собой суровое двухэтажное строение из красного кирпича и серого гранита пятидесятых годов постройки. Высокие стрельчатые окна, тяжелые дубовые двери с латунными ручками и начищенный до блеска паркет, помнивший еще дедов нынешних фермеров.

Когда мы вошли в зал номер два, сторона обвинения уже заняла позиции.

И это было зрелище, достойное первополосной статьи в *The Boston Globe*.

За столом истцов сидели трое.

Никакой Виктории Крэйн — после позора на балу и приобщения бостонской аудиозаписи к федеральному протоколу корпоративный юрист Вейла сидела в номере отеля под подпиской о невыезде. Вместо нее холдинг «Вейл Энтерпрайзис» выставил тяжелую артиллерию: трех столичных адвокатов из престижнейшей бостонской конторы «Салливан и Кромвель» в безупречных темно-серых костюмах-тройках от кутюр за пять тысяч долларов каждый, с золотыми запонками и одинаковыми кожаными атташе-кейсами из кожи крокодила.

Возглавлял трио пожилой, лощеный партнер с идеально подстриженной седой бородкой — мистер Артур Пэндлтон, известный тем, что брал тысячу двести долларов за час юридической консультации.

Они сидели с такими лицами, словно их заставили инспектировать деревенский хлев. Перед ними высились аккуратные башни из белых папок с золотыми клипсами: «Ходатайство о неотложном обеспечении иска», «Запрет на перемещение за пределы административного округа», «Обоснование риска побега в иностранную юрисдикцию».

А с нашей стороны к барьеру подошла Мэри-Бет Оуэнс.

Она даже не стала снимать свой знаменитый, ядовито-красный дутый пуховик с капюшоном из искусственного меха. Просто расстегнула молнию на груди, стянула шерстяные варежки, сунула их в карманы и шлепнула на деревянный стол свой пузатый, потертый на сги-

бах портфель из рыжей яловой кожи. Следом на край полированного дуба лег тяжелый деревянный лоток с теплым пирогом Дейла.

Пэндлтон брезгливо повел носом, скосив глаза на исходящее паром тесто: — Госпожа Оуэнс, это зал суда штата, а не ярмарочный буфет. Прошу убрать пищевые отходы с линии процессуального контакта.

Мэри-Бет медленно повернула к нему голову. Поверх очков в роговой оправе сверкнули два серых лезвия: — Артур, мальчик мой, в этом «буфете» тридцать лет назад твой покойный папаша проиграл мне спор о межевых знаках на пастбище у ручья и две недели красил мой забор в Пайн-Холлоу. Так что прикрой пасть, пока я не вспомнила твои двойки по римскому праву в Гарварде, и дай судье погреть суставы нормальной выпечкой.

Пэндлтон поперхнулся воздухом и замолчал, нервно поправляя галстук.

В этот момент боковая дверь скрипнула, и в зал вошел судья Кауфман — семидесятилетний старик в помятой черной мантии, с пышными белыми бакенбардами и взглядом человека, который за сорок лет судейской практики видел абсолютно все разновидности человеческой глупости.

Он тяжело опустился в высокое кожаное кресло, водрузил на нос круглые очки и первым делом глубоко, с явным удовольствием втянул носом воздух, пахнущий яблоками и корицей:

— Всем сесть. Слушается экстренное ходатайство представителей холдинга «Вейл Энтерпрайзис» о применении меры процессуального принуждения в виде ограничения свободы передвижения гражданина Коула Бэннона. Артур, я прочитал твои семьдесят страниц макулатуры за завтраком. Избавь меня от цитирования прецедентов девятнадцатого века. У тебя три минуты. По существу.

Пэндлтон поднялся, расправив плечи с безупречной ораторской выправкой:

— Ваша честь! Наш доверитель, мистер Маркус Вейл, подвергся неслыханной по дерзости кибератаке. Ответчик, гражданин Бэннон, открыто признался перед сотнями свидетелей на благотворительном вечере в хищении одного миллиона ста сорока тысяч долларов и несанкционированном проникновении в базу данных. В настоящее время, по нашим оперативным данным, ответчик намерен покинуть территорию штата Вермонт и скрыться в Неваде, где попытается сорвать новогодний розыгрыш государственной лотереи. Мы требуем немедленно изъять его паспорт, запретить выезд за пределы графства Вашингтон и поместить его под электронный домашний арест с ношением браслета.

Судья Кауфман пожевал губами, сделал пометку на полях и повернулся влево:

— Мэри-Бет? Чем крыть будешь? Надеюсь, не только шарлоткой?

— Начнем с процессуальных оснований, судья, — Оуэнс неспешно поднялась, опершись кулаками о стол. — Во-первых, обвинение в «попытке побега» юридически ничтожно. Шериф Холлоуэй, поднимитесь к микрофону.

Из заднего ряда поднялся шериф Том Холлоуэй в парадной синей форме. Он снял фуражку, неловко переминаясь с ноги на ногу:

— Шериф округа Вашингтон Том Холлоуэй, ваша честь. Подтверждаю: двадцать третьего декабря в шесть ноль-ноль утра мистер Бэннон добровольно открыл дверь дома, не оказывал ни малейшего сопротивления и лично содействовал процессуальным действиям. Никаких признаков подготовки к бегству следствием зафиксировано не было.

— Спасибо, Том, садись, — кивнула Мэри-Бет. — А во-вторых, ваша честь, мистер Бэннон покидает наш благословенный штат не ради увеселительной прогулки в казино. Он выезжает по официальному требованию государственного регулятора.

Она сделала приглашающий жест в сторону прохода.

Со своего места поднялась Ава Куинн. На ней был строгий темно-серый брючный костюм, короткие волосы аккуратно уложены, а в руках она держала синюю кожаную папку с золотым тиснением герба штата Невада.

Глава 6

Она подошла к барьеру, раскрыла служебное удостоверение и передала судебному приставу плотный пакет документов:

— Старший специальный следователь Контрольной комиссии по азартным играм Невады Ава Куинн, ваша честь. На основании статьи двести сорок восемь Свода законов Невады о государственном надзоре за сертифицированными лотереями, Коул Бэннон официально привлечен в качестве ключевого технического эксперта и свидетеля обвинения по уголовному делу номер 88-F против Маркуса Вейла. Мы инициировали официальную процедуру федерального межштатного вызова.

Она повернулась к побледневшему Пэндлтону:

— Тридцать первого декабря в Лас-Вегасе проводится новогодний суперрозыгрыш на пятьдесят миллионов долларов. Мистер Бэннон обязан присутствовать в зале тиражной комиссии под моим личным процессуальным надзором для проведения независимого аудита сертифицированного оборудования. Любая попытка стороны мистера Вейла воспрепятствовать явке свидетеля регулятора будет расценена федеральным окружным судом как прямое вмешательство в деятельность правоохранительных органов по закону РИКО. С автоматическим отзывом лицензии казино в течение двадцати четырех часов.

В зале суда повисла гробовая тишина.

Бостонские адвокаты за столом истцов синхронно уставились в свои крокодиловые папки, боясь поднять глаза на судью. Удар был нанесен с такой хирургической точностью, что у них не осталось ни единого процессуального щита.

Но Мэри-Бет не была бы лучшим адвокатом Вермонта, если бы не приберегла контрольный выстрел.

Она полезла в недра своего ялового портфеля и с победным стуком опустила на кафедру судьи тонкий конверт из авиапочты со швейцарскими марками и красным штампом кантонального нотариуса Женевы:

— И на десерт, ваша честь. Заявление госпожи Хелены Вейл — законной супруги Маркуса Вейла и матери несовершеннолетней Слоун Вейл. Нотариально заверено сегодня в четыре утра по европейскому времени. Госпожа Вейл прямо подтверждает, что ее дочь Слоун подвергалась незаконному домашнему аресту со стороны отца и лично просила Коула Бэннона и Эбигейл Хартли о содействии и защите. Никакого похищения, никакого вмешательства в опеку. Семнадцатилетняя Слоун находится под временной защитой программы помощи свидетелям штата Невада.

Судья Кауфман снял очки, медленно протер стекла подолом мантии и окинул взглядом притихший зал.

Его взгляд на секунду задержался на Пэндлтоне, чье лицо по цвету стало напоминать несвежий творог, затем перешел на нас с Эбби — спокойных, собранных, стоящих рука об руку перед государственным флагом.

Старик взял деревянный молоток, взвесил его в морщинистой руке и с сухим, раскатистым грохотом припечатал к гранитной подставке:

— В удовлетворении экстренного ходатайства холдинга «Вейл Энтерпрайзис» — отказать в полном объеме. Суд не находит оснований для ограничения конституционных прав гражданина Бэннона. Разрешить Коулу Бэннону выезд за пределы штата Вермонт в сопровождении специального следователя Контрольной комиссии Невады Авы Куинн для исполнения процессуальных обязанностей на срок до восьмого января. Ограничения с паспорта снять немедленно в зале суда. Заседание закрыто.

Судья поднялся, подозвал пристава, кивнул на дымящийся лоток Дейла и невозмутимо добавил: — А пирог занесите ко мне в кабинет, сержант. И поставьте чайник. Настоящее вермонтское правосудие требует углеводов.

Мы вышли на высокое гранитное крыльцо суда в начале одиннадцатого.

Морозный вермонтский день заливало ослепительное, бьющее в глаза зимнее солнце. Снег на ступенях искрился бриллиантовой крошкой, небо над Монтпилиером было пронзительно-синим, чистым, как промытый горный хрусталь.

Позади хлопнула тяжелая дубовая дверь. Трое бостонских адвокатов, сутулясь и пряча лица в воротники пальто от камер двух местных репортеров, почти бегом спустились по лестнице и нырнули в теплый салон своего черного седана.

Я стоял на верхней площадке крыльца, вдыхая обжигающий воздух полной грудью.

Впервые за пять долгих лет на моих плечах не висела невидимая свинцовая плита беглеца. Закон больше не был дубинкой в руках коррумпированного миллиардера. Закон стоял у меня за спиной — в лице старой женщины в красном пуховике, смеющейся у ступеней, и жетона следователя в кармане Авы Куинн.

Я повернулся к Эбби.

Она стояла рядом, щурясь от яркого полуденного света. Ее щеки тронул нежный морозный румянец, темные ресницы ловили солнечные блики, а в карих глазах плескалась такая бездонная, сияющая гордость, от которой у меня перехватило дыхание.

Я не стал сдерживаться. На глазах у шерифа, репортеров и выходящих из суда клерков я шагнул к ней, обхватил ее за талию и прижал к себе с такой сокрушительной, жадной силой, словно мы не виделись целый год.

Она ахнула, обвила руками мою шею, и ее губы встретили мои — горячие, пахнущие яблоками и победой. Мы целовались прямо посреди заснеженной площади, забыв про мороз, про камеры и про столичные приличия.

Когда мы наконец оторвались друг от друга, Эбби прерывисто перевела дыхание, провела пальцами по моей щеке и прошептала с легкой, пьянящей улыбкой:

— Ну что, Бэннон… Готов показать мне свой город грехов?

Я усмехнулся, прижимая ее крепче: — В Вегасе нет таких сосен, Хартли. Но там есть кое-что получше.

— Что же?

— Самый большой цифровой чан с тестом в мире. И мы положим в него правильные специи.

В половине пятого вечера коттедж «Хемлок-Лодж» напоминал слаженно работающий логистический терминал.

Все вещи были собраны. На полу в гостиной стояли четыре тяжелых черных дорожных чемодана: защищенные серверные блоки, кабели, запасные аккумуляторы, парадная одежда для финала и рабочий комплект кулинарного реквизита Эбби.

На кухонном острове царил благословенный порядок. Дейл с маниакальной тщательностью вымыл плиту до зеркального блеска, перекрыл газовый вентиль и аккуратно упаковал в специальный жесткий кейс свой главный арсенал: набор японских кованых ножей, медный сотейник для карамели и две бутылки темного вермонтского сиропа высшей категории.

Расти стоял в дверях цоколя, проверяя показания охранной сигнализации: — Дренажный клапан слит, дом переведен на автономный контур консервации. Отопление держит плюс двенадцать. Если мороз ударит за тридцать — котел автоматически подбросит давление. Всё по инструкции Уолта, шеф.

Мэри-Бет Оуэнс стояла у камина, наблюдая за нами с кружкой кофе в руках: — Ключи от усадьбы будут у меня в сейфе в Пайн-Холлоу. До восьмого января ни одна живая душа не

переступит эту межу. Я лично повешу на ворота табличку: «Объект под надзором прокуратуры штата». Даже белки будут обходить забор по синусоиде.

Ава Куинн вошла в гостиную с улицы, стряхивая снег с ботинок. В ее руках была плотная белая папка с логотипом авиакомпании *Delta*.

Она подошла к столу, раскрыла папку и выложила перед нами четыре распечатанных посадочных талона:

— Рейс номер 1142. Берлингтон — Детройт — Лас-Вегас, международный аэропорт Гарри Рид. Вылет завтра утром ровно в шесть часов десять минут. Регистрация открывается в четыре утра.

Она подняла глаза, внимательно глядя на нас: — И приготовьтесь: Маркус Вейл уже знает о судебном решении. Его частный джет вылетел из Вермонта в Неваду еще в полдень. Он стягивает в «Золотой Туз» всю свою службу безопасности и готовится закрыть суперрозыгрыш любой ценой. Легкой прогулки по Стрипу не будет.

Эбби медленно протянула руку и взяла свой посадочный талон.

Я увидел, как на долю секунды дрогнули кончики ее пальцев. Глаза скользнули по строчкам: *«Вылет: 06:10. Место 14A (у иллюминатора)»*.

Она тяжело сглотнула. Тень старого пятилетнего страха — воспоминание о падающем самолете над озером Мичиган — на мгновение коснулась ее бледного лица.

Но затем ее пальцы сжались.

Она повернула голову, посмотрела на меня снизу вверх, переплела свою ладонь с моей и сжала ее с такой яростной, несокрушимой силой, от которой по коже пробежал электрический ток.

На ее губах расцвела та самая дерзкая, королевская улыбка хозяйки севера:

— Шесть-десять утра. В небе. На киселе из Роллс-Ройсов.

Она глубоко вздохнула, вздернула подбородок и твердо добавила: — Ладно, Вегас. Держись крепче за свои слоты. Мы идем забирать наш банк.

Глава 7

Вторник, 29 декабря · Международный аэропорт Гарри Рид и старый Фримонт-стрит, Лас-Вегас

Турбулентность над Скалистыми горами началась без предупреждения.

В иллюминаторе «Боинга-737» еще секунду назад лежал слепящий, застывший океан снежных хребтов Колорадо, а в следующее мгновение тяжелую тридцатитонную машину словно ударил гигантский кулак.

Самолет провалился в воздушную яму на добрую сотню футов. Корпус застонал, заскрипели багажные полки, над головами с сухим щелчком вспыхнули табло «Пристегните ремни», и салон наполнился приглушенным, паническим женским вздохом.

Эбби сидела у окна. Ее пальцы вцепились в пластиковый подлокотник с такой силой, что костяшки побелели, став прозрачными. Все краски сошли с ее лица. Темные, густые волосы, уложенные в дорогу в свободный узел, дрогнули, когда она зажмурилась, вжавшись затылком в подголовник кресла. Она не кричала — она задыхалась, возвращаясь в тот кошмар пятилетней давности над озером Мичиган, где салон падал полторы мили сквозь грозу.

Я протянул руку, накрыл ее сведенные судорогой пальцы своей широкой, горячей ладонью и с силой сжал. Второй рукой подтянул ее плечо к себе, увлекая в полуоборот, так чтобы ее висок уперся в плотную вязку моего свитера.

— Рецепт, Хартли, — негромко, прямо ей в ухо произнес я. Мой голос звучал нарочито лениво, ровно и густо, перекрывая надсадный гул двух турбин за бортом. — Первый шаг. Напомни мне пропорции для заварного крема на тридцать тысяч футов высоты.

Ее ресницы бешено затрепетали. Губы приоткрылись, ловя воздух: — Коул… нас… нас бросает…

Самолет снова мелко, дробно затрясся на восходящем потоке, крыло за стеклом спружинило, гася удар.

— Нас не бросает, шеф Хартли, — я наклонился ближе, обдавая ее замерзшую щеку теплым дыханием. — Это Дейл выбивает воздух из бисквита. Слишком много разрыхлителя в тесто бросил. Помнишь правило? Разреженный воздух на крейсерской скорости — плотный кисель. Физика сплошных сред. Мы лежим на противне. Сколько сахара на кварту молока, Эбби? Вслух.

Она судорожно сглотнула. Ее пальцы переплелись с моими, впиваясь в ладонь до боли:

— Триста… триста граммов. И щепотка морской соли.

— Мало соли. Горчить будет. Дальше.

— Шесть желтков… — ее дыхание начало выравниваться, цепляясь за знакомый с детства ритм кулинарных констант. — Четыре столовые ложки кукурузного крахмала… стручок ванили… Коул, мы падаем?

— Мы снижаемся по глиссаде в сектор Невады, родная, — я мягко провел большим пальцем по тыльной стороне ее ладони, чувствуя, как уходит ледяной спазм. — Девять тысяч футов. Вон там, слева по борту — каньон Ред-Рок. Глянь вниз. Песок красный, как кайенский перец.

Эбби медленно, с опаской приоткрыла глаза.

В круглом иллюминаторе белые снега Вермонта окончательно сменились марсианским пейзажем пустыни Мохаве: ржавые гранитные разломы, пятна выгоревших кустарников и бесконечный, залитый жестким полуденным солнцем горизонт. Самолет шел устойчиво, рассекая сухой термический воздух без единого толчка.

Эбби выдохнула — долго, прерывисто, с шумом освобождающихся легких. Ее голова бессильно опустилась мне на плечо.

— Ненавижу тебя, Бэннон, — прошептала она, но ее пальцы не разжались — наоборот, сжались крепче. — И твой кисель ненавижу. И бисквит.

— Зато цвет лица вернулся, — усмехнулся я, целуя ее в макушку, где все еще пахло утренним вермонтским кофе. — Добро пожаловать в пустыню.

Лас-Вегас встретил нас ударом сухого тепла в лицо прямо в телескопическом трапе терминала номер один.

Плюс четырнадцать. Никакого снега. Запах авиационного керосина, разогретого бетона, духов из дьюти-фри и кондиционированного воздуха, пропущенного через тысячи фильтров. А через двадцать шагов по залу прилета послышался он — металлический, круглосуточный, въевшийся в подкорку звук этого проклятого оазиса: непрерывный перезвон механических колокольчиков, треск вращающихся барабанов и фальшивые электронные фанфары первых слот-автоматов, расставленных прямо у багажных лент.

Эбби на секунду замерла, оглядывая ряды сверкающих аппаратов, за которыми с отрешенными лицами сидели первые туристы, опуская жетоны в монетоприемники.

— Они играют прямо в аэропорту? — тихо спросила она, невольно держась ближе к моему правому плечу.

— Город построен на чужой слабости, Хартли, — негромко бросил я, сканируя зал. — Машина не должна простаивать ни секунды.

Ава Куинн шла на полшага впереди нас. Следователь сменила вермонтский пуховик на строгий бежевый тренч, темные очки скрывали ее цепкие серые глаза, а дорожная сумка висела на плече с той обманчивой небрежностью, за которой прячется мгновенный доступ к табельному оружию.

— Выходим через нижний ярус зоны каршеринга, — тихо, не поворачивая головы, бросила Куинн в воротник, где была закреплена гарнитура связи. — Расти и Дейл летят грузовым бортом с нашим оборудованием через Солт-Лейк, они будут только к вечеру. Наша задача — чисто уйти со Стрипа до того, как служба безопасности «Золотого Туза» среагирует на списки пассажиров.

Она опоздала ровно на две минуты.

Когда мы спустились на эскалаторе к автоматическим дверям выхода номер четыре, пространство перед стеклянным порталом внезапно перекрыли.

Трое мужчин. Одинаковые темно-серые костюмы, скрывающие подмышками кобуры крупного калибра, короткие армейские стрижки, массивные золотые печатки на пальцах и характерная хищная выправка личной охраны Маркуса Вейла. Старший группы — квадратный детина со сломанным носом и тяжелой челюстью — шагнул вперед, отрезая нас от стоянки такси:

— Мистер Бэннон. Мисс Хартли. Добро пожаловать домой.

Ава Куинн мгновенно шагнула наперерез, заслоняя нас собой, ее рука скользнула под полу тренча:

— Назад. Старший специальный следователь Контрольной комиссии Невады Куинн. Граждане находятся под федеральной защитой свидетелей. Освободите проход.

Детина даже не моргнул. Он медленно достал из кармана ламинированную карточку частного детектива Невады:

— У нас нет претензий к комиссии, агент Куинн. Но у службы безопасности холдинга есть предписание окружного суда Лас-Вегаса на вручение повестки по иску о защите деловой репутации. Всего лишь пятиминутная сверка личностей в нашем служебном автомобиле на парковке. Пройдемте добровольно, мистер Бэннон. Не устраивайте сцену перед туристами.

Из-за колонн справа и слева бесшумно выдвинулись еще двое громил, смыкая полукольцо. Они не собирались стрелять — они собирались мягко, на глазах у толпы втащить нас в

тонированный вэн и запереть на сорок восемь часов в закрытом подвале до окончания розыгрыша.

Я почувствовал, как напряглись мышцы спины. Рука Эбби за моей спиной замерла.

И в эту самую секунду тишину бетонного накопителя разорвал чудовищный, оглушительный, первобытный рев восьмицилиндрового компрессорного мотора.

ВРРР-А-А-У-У-Х!

Визг жженой резины ударил по ушам с силой выстрела.

Глава 8

Прямо по пешеходной зоне терминала, сбивая пластиковые оранжевые конусы ограждения и выкручивая руль в глубокий контролируемый занос, летел черный матовый монстр.

Легендарный *Dodge Challenger*1970 года с выпирающим из капота хромированным воздухозаборником нагнетателя.

Машина развернулась на сто восемьдесят градусов прямо перед носом опешивших громил Вейла, подняв клуб сизого дыма от горящих покрышек. Пассажирская дверь с глухим металлическим щелчком распахнулась настежь.

За рулем сидел сухопарый парень лет тридцати в расстегнутой гавайской рубашке с пальмами поверх черной майки, с закрученными мексиканскими усами, в зеркальных «авиаторах» и с широченной белозубой ухмылкой психопата.

Рико Ортега. Мой единственный друг, выживший в подземных гаражах Вегаса.

— Эй, такси заказывали до рая, сеньоры?! — заорал Рико, перекрывая рев нагнетателя. — Прыгайте в корыто, пока эти пиджаки не вспомнили, где у них тормоза!

— В машину! — рявкнул я, толкая Эбби вперед.

Она среагировала мгновенно. Ни визга, ни секундной заминки — рыбкой нырнула на заднее кожаное сиденье, поджав колени. Ава Куинн с боевой грацией оперативника влетела следом за ней. Я запрыгнул на переднее пассажирское, захлопывая тяжелую стальную дверь в тот самый миг, когда пудовый кулак старшего охранника Вейла с глухим звоном впечатался в закаленное боковое стекло.

— Держись, Невада! — хохотнул Рико, бросая сцепление.

Задние широкие слики провернулись на бетоне, швырнув в охранников тучу резиновой крошки. «Челленджер» присел на заднюю ось и с ревом реактивного истребителя вылетел на открытую эстакаду аэропорта.

Погоня была профессиональной, грязной и короткой.

Два черных внедорожника *Cadillac Escalade*вылетели за нами со стоянки каршеринга через сорок секунд. Они пытались зажать нас в клещи на развилке автострады номер 15, ведущей к парадному сверкающему Стрипу. Но Рико знал изнанку этого города так, как кардиохирург знает кровеносную систему умирающего.

Вместо широких освещенных хайвеев маслкар с визгом тормозов ушел вправо — по пыльной гравийной насыпи технического дренажного канала, срезая угол под мостом Юнион-Пасифик. Подвеска хрустела, камни барабанили по днищу, но пятисотсильный мотор вытягивал тяжелый кузов из любых заносов.

Через десять минут бешеной скачки по узким промышленным переулкам за складами морепродуктов черные джипы отстали, застряв на железнодорожном переезде за товарным составом.

Рико сбавил обороты. «Челленджер» утробно заурчал на низких холостых, неторопливо вкатываясь в тенистый, полузабытый мир старого Лас-Вегаса — район к северу от Фримонт-стрит.

Здесь стояли выцветшие одноэтажные мотели пятидесятых годов с облупленными неоновыми вывесками «Кабанья нора» и «Счастливая подкова», ржавые трейлеры, пальмы с пожелтевшими листьями и пыльные мастерские по ремонту радиодеталей.

Я повернулся назад.

Эбби сидела на потертом черном виниле, тяжело дыша. Ее щеки пылали ярким адреналиновым румянцем, темные пряди выбились из косы, разметавшись по ключицам, но глаза… В ее темно-карих глазах не было ужаса. В них плескался тот самый дикий, пьянящий, первобытный огонь, который я впервые увидел в ней на вермонтском крыльце.

Она посмотрела на меня, перевела взгляд на Рико, потом на свои дрожащие пальцы — и вдруг запрокинула голову и звонко, хрипло, победно расхохоталась.

— Господи… — выдохнула она, вытирая слезинку со щеки. — Бэннон, ты каждый раз так в гости приезжаешь?

— Только когда соскучусь по хорошей компании, Хартли, — ухмыльнулся я, чувствуя, как внутри отпускает железная пружина.

Рико свернул в тупиковый переулок между двумя глухими кирпичными стенами и заглушил мотор перед широкими воротами из рифленого железа. На вывеске над входом тускло горела разбитая неоновая трубка: *«Ортега и сыновья. Ремонт радиотехники и судовых генераторов»*.

— Приехали, сеньоры, — Рико стянул очки, поворачиваясь к нам. — Пятьсот квадратных футов чистого экранированного бетона. Внутри глушилки сигнала военного образца, контур заземления и отдельный дизель на пятьдесят киловатт. Сюда даже спутники АНБ заглянуть не могут, не то что филеры Вейла. Заходите, чайник согреем.

Внутри подпольной мастерской пахло машинным маслом, старыми микросхемами, сухой пылью пустыни и острой мексиканской сальсой.

Повсюду тянулись верстаки, заваленные разобранными платами игровых автоматов, осциллографами, паяльными станциями и мотками медного провода. В углу урчал серверный шкаф кустарной сборки, охлаждаемый двумя автомобильными радиаторами. Посреди комнаты стоял продавленный кожаный диван, а на стене вместо рождественского венка висел огромный зеленый кактус в треуголке Санта-Клауса, обмотанный синей светодиодной гирляндой.

Контраст с вермонтским уютом «Хемлок-Лодж» был ошеломляющим.

Там был треск березовых дров, сосны за стеклом, бархатное тепло камина и запах корицы. Здесь — жесткий, железный, электрический ритм подполья, где каждая секунда стоила жизни.

Ава Куинн тут же заняла дальний стол, разворачивая спутниковый терминал правительственной связи. Рико ушел в подсобку варить крепкий черный кофе по-мексикански с кайенским перцем.

Мы с Эбби остались у верстака.

Она подошла ко мне сзади, пока я проверял настройки защищенного ноутбука. Ее прохладные ладони мягко легли мне на плечи, скользнули к шее, пальцы бережно огладили напряженные мышцы затылка.

— Ты дома, Коул, — тихо, очень мягко произнесла она мне в самое ухо.

Я повернулся, привлекая ее к себе за талию. Ее темные волосы пахли морозным утром Вермонта — этот запах казался чудом посреди душной мастерской в пустыне.

— Это не дом, Эбби. Дом остался в сорока акрах леса под снегом. А здесь… здесь поле боя. Ты не жалеешь, что ввязалась в это?

Она вздернула подбородок, глядя мне прямо в глаза с той нерушимой королевской гордостью, которая заставляла меня преклонять перед ней колени: — Я пожалею только в одном случае: если ты вздумаешь победить без меня.

Она встала на цыпочки, коснулась моих губ коротким, обжигающим поцелуем, в котором смешался вкус адреналина и абсолютного доверия.

В этот момент на моем защищенном терминале резко, с пронзительным тройным зуммером вспыхнул экран.

Красный индикатор сквозного PGP-канала.

Входящее экстренное сообщение через протокол, ключ к которому знали только двое в этом городе.

Я нажал дешифратор. На черном поле развернулись торопливые, сбивчивые строки машинного текста:

От:Sloane_V_Root

Статус:Критический

Геолокация:Пентхаус «Золотой Туз», 48 этаж

«Коул! Они привезли меня в Вегас два часа назад частным бортом. Отец взбешен после Вермонта. Он выставил четверых вооруженных церберов прямо у дверей спальни и забрал все мои персональные планшеты. Мне колют успокоительное под видом витаминов, чтобы я спала до вечера тридцать первого.

Но я успела зашить сервисный маячок в блок управления климатом пентхауса. Сервер новогодней лотереи физически уже смонтирован в закрытом вип-зале на третьем этаже казино. Завтра ровно в полночь отец переведет его на автономный изолированный контур, и удаленный доступ станет невозможен навсегда.

Если вы хотите снять спектрограмму мастер-ключа по рукописи Уолта — вам нужен прямой физический контакт с контроллером тиражного зала. Вытащите меня отсюда до того, как меня посадят на рейс в Швейцарию!»

Сообщение оборвалось. Терминал издал короткий щелчок — аварийный скрипт стер следы сессии, чтобы защитить отправителя.

В мастерской воцарилась тяжелая, звенящая тишина.

Было слышно только мерное гудение вентиляторов серверного шкафа и шипение кофеварки в подсобке.

Ава Куинн медленно подняла голову от своего экрана, ее лицо стало жестким, как гранитная плита:

— Вейл изолирует тиражный зал за двадцать четыре часа до старта. Никакие судебные ордера комиссии не помогут, если мы не докажем факт несанкционированной модификации чипа до того, как он опечатает контур.

Я медленно опустил крышку ноутбука.

Посмотрел на свои руки, сжимающие край верстака. Внутри меня поднялась та самая холодная, беспощадная, ясная волна Вегаса, которая когда-то позволяла мне вскрывать любую ложь за зеленым сукном.

— Он ждет нас тридцать первого числа, — негромко произнес я, и в моем голосе зазвенела чистая, беспощадная сталь. — Он думает, что мы будем сидеть в засаде и трясти бумажками в день праздника. Мы не станем ждать тридцать первого.

Я поднял глаза на Эбби, Рико и следователя:

— Сегодня ночью мы идем в «Золотой Туз» на разведку. Под прикрытием. И мы заберем частоту его сервера до того, как он успеет запереть замок.

Глава 9

Коул

В полночь Лас-Вегас не спал — он переключался на хищный ночной режим.

В подпольной мастерской Рико под потолком гудели люминесцентные лампы, а на продавленном диване стояли три открытых кофра, которые Рико приволок из костюмерной одного из закрытых кабаре на Твин-Пикс: чехлы из черного атласа, коробки с ювелирными репликами музейного уровня и туфли на головокружительных шпильках. Пахло растворителем, лаком для волос, чистым спиртом.

Я стоял перед мутным зеркалом в санузле, затягивая узкий черный галстук.

На мне был глухой, строгий темно-серый костюм из плотной матовой шерсти без опознавательных знаков — классическая униформа старшего офицера персональной охраны из элитных агентств Женевы или Бостона. В левом ухе сидел микроскопический силиконовый наушник тактической связи телесного цвета, а в манжет правой руки была вшита тяжелая платиновая запонка. Внутри нее вместо драгоценного камня прятался миниатюрный широкополосный радиочастотный сниффер, питающийся от тепла человеческого тела.

Дверь из подсобки скрипнула.

Я обернулся — и воздух выбило из моих легких с силой гидравлического пресса.

— Ну как, Бэннон? — негромко, с легкой хрипотцой в голосе спросила Эбби. — Сойдет за взбалмошную наследницу бостонского трастового фонда с шестью миллионами на карманные расходы?

Она стояла посреди заваленной микросхемами мастерской, и эта комната мгновенно померкла вокруг нее.

На ней было тяжелое вечернее платье из черного струящегося шелка с разрезом от середины бедра и полностью открытыми, точеными плечами. Ткань обтекала ее грудь и бедра с такой откровенной, жидкой грацией, что у меня потемнело в глазах. Темные, густые волосы были уложены голливудскими холодными волнами на одно плечо, обнажая длинную шею. На губах пламенела дерзкая, вызывающая винно-красная помада, а глаза… В ее темно-карих глазах больше не было испуганной девочки из Нью-Гэмпшира. Там горела бездна породистой, ледяной, высокомерной уверенности женщины, привыкшей покупать целые кварталы одним росчерком пера.

На ее шее поблескивало фальшивое колье из чистейших фианитов под бриллианты в двадцать каратов, предоставленное сейфом Авы Куинн, а в тонких пальцах с безупречным бордовым маникюром она небрежно держала крошечный клатч из крокодиловой кожи.

В эту секунду она могла заставить встать на колени любого сенатора в этом штате.

Я медленно подошел к ней. Мои пальцы коснулись ее обнаженного плеча — кожа была горячей, гладкой, как нагретый солнцем шелк, и пахла горьким миндалем и тяжелым жасмином.

— Ты выглядишь так, Хартли, — мой голос сел, превратившись в глухой шепот, — что служба безопасности забудет, как дышать, не то что проверять твои документы.

Она медленно подняла глаза, окинула взглядом мой глухой костюм телохранителя, задержавшись на широких плечах и жесткой челюсти, и уголок ее накрашенных губ дернулся в лукавой, властной усмешке: — Помни свою роль, Коул. Сегодня ты не математик и не беглец. Ты — мой молчаливый цепной пес. Ты смотришь на людей так, словно готов сломать им шею за косой взгляд, держишься на полтора шага позади и говоришь только тогда, когда я кивну.

— Слушаюсь, мисс Вэнс, — я опустил голову в выверенном полупоклоне, чувствуя, как адреналин начинает сладко пульсировать в висках.

Ава Куинн шагнула к нам, протягивая Эбби тисненую черную карту с золотым чипом:

— Карта частного швейцарского банка *Pictet &Cie*на имя Элеоноры Вэнс. Мы залили туда двадцать пять тысяч долларов из оперативного фонда комиссии для правдоподобности депозита. Легенда подтверждена через бостонский узел. Задача: войти в закрытый зал высоких ставок «Святая Святых» на втором этаже. Там общий вентиляционный стояк с тиражной аппаратной Вейла. Коул должен подойти к балюстраде и продержать запонку в зоне прямой видимости служебного купола ровно шестьдесят секунд, пока сниффер перехватывает несущую частоту радиомодуля лотереи.

Рико, стоявший у дверей гаража с ключами от «Челленджера», весело оскалился:

— Машину оставлю в двухстах ярдах в переулке за отелем «Фламинго». Если завоют сирены — у вас будет ровно три минуты до того, как перекроют бульвар. Ни пуха, сеньоры.

Гранд-казино «Золотой Туз» ночью выглядело как гигантский золотой обелиск, вонзенный в раскаленное неоновое брюхо Стрипа.

Пятьдесят этажей полированного черного стекла, увитого золотыми светодиодными лентами, пятидесятиметровый фонтан в виде карточной масти пик перед парадным подъездом и сплошная стена из лимузинов, «Роллс-Ройсов» и «Феррари». Воздух здесь вибрировал от басов клубной музыки, запаха сигарного дыма и электрического звона миллионов жетонов.

Наш матовый «Челленджер» плавно замер у ковровой дорожки для вип-гостей.

Швейцар в ливрее с позолоченными эполетами распахнул заднюю дверь.

Я вышел первым. Жесткий, собранный, с каменным лицом офицера безопасности, сканируя пространство поверх темных очков. Шагнул к порогу, подавая руку Эбби.

Она выпорхнула из салона с такой ленивой, царственной грацией, что швейцар машинально согнулся пополам. Шелковый подол ее черного платья колыхнулся, обнажив стройную ногу на двенадцатисантиметровой шпильке. Она даже не взглянула на лакея — лишь небрежно бросила ему стодолларовую купюру и поправила бриллиантовое колье на ключицах.

— Держись ближе, Бэннон, — бросила она мне через плечо звонким, капризным тоном богатой наследницы. — Терпеть не могу запах дешевого парфюма в холле.

Мы вошли через центральный вращающийся портал.

Внутри стоял полумрак, рассекаемый золотистыми лучами прожекторов. На полу лежал толстый ковер цвета запекшейся крови, заглушавший любые шаги. Вокруг стояли сотни слот-автоматов «Золотого Туза» — тех самых, ядро которых я проектировал пять лет назад. За ними с лихорадочным блеском в глазах сидели игроки, сжимая в потных пальцах пластиковые стаканчики с монетами.

Главное препятствие ждало нас на входе на эскалатор второго этажа — в закрытый VIP-салон «Святая Святых».

Там стояли два терминала биометрического контроля сетчатки глаза.

Система «Argus-4», разработанная службой безопасности Вейла. Если бы я подошел к сканеру лицом — инфракрасный датчик считал бы капиллярный рисунок моей сетчатки за четыре десятых секунды, выдав на пульты охраны сигнал красной тревоги с моим досье 2019 года.

Эбби знала план.

Она подошла к стеклянной стойке контроля первой. Небрежно бросила черную карту *Pictet*прямо на клавиатуру старшего секьюрити:

— Элеонора Вэнс. Депозит подтвержден моим поверенным из Бостона полчаса назад. Откройте створку, любезный. У меня нет ни малейшего желания дышать здесь сквозняком.

Охранник — вышколенный Цербер с планшетом — взглянул на карту, затем на экран системы: — Добрый вечер, мисс Вэнс. Процедура безопасности клуба требует обязательного биометрического сканирования для доступа в верхнюю игровую зону. Пожалуйста, посмотрите в круглую линзу сканера.

Эбби ослепительно улыбнулась, наклонилась к оптическому окуляру, и зеленый луч мягко огладил ее темно-карий зрачок.

*Дзинь.*Зеленый индикатор подтвердил допуск гостьи с лимитом без ограничений.

— А теперь ваш спутник, — охранник повернулся ко мне, прищурив цепкие глаза.

Глава 10

Мое сердце сделало один тяжелый, глухой толчок. Мышцы под пиджаком натянулись струнами.

Эбби среагировала мгновенно.

Она резко развернулась, встав прямо между мной и линзой сканера. Ее брови взлетели вверх в ледяном, уничтожающем возмущении, глаза полыхнули таким аристократическим гневом, что охранник невольно вжал голову в плечи:

— Вы в своем уме, сержант? — ее голос прорезал холл, как удар бича. — Это мой персональный начальник службы безопасности. Бывший офицер королевской охраны. У него закрытый дипломатический статус категории «Б». Вы всерьез предлагаете вносить биометрию личной охраны семьи Вэнс в общую базу заведения, где играют карточные шулеры и торговцы недвижимостью?

Она сделала шаг вперед, сокращая дистанцию, и ее голос понизился до опасного, шипящего шепота:

— Если этот прибор хоть на секунду направит лазер в лицо моему человеку — через две минуты мой отец аннулирует кредитную линию вашего казино в *State Street Bank*на сорок миллионов долларов. Открывайте створку. Немедленно.

Охранник сглотнул. Его взгляд метнулся к черной карте с золотым тиснением, затем на ее бриллианты, затем на меня — застывшего за ее спиной с каменным, убийственным выражением лица человека, готового вырвать ему кадык при первой команде хозяйки.

— Прошу прощения, мисс Вэнс, — охранник торопливо приложил свой мастер-ключ к панели. — Протокол для гостей высшей категории активирован. Проходите, пожалуйста.

Стеклянные створки с мягким шипением пневматики разошлись в стороны.

Мы шагнули на эскалатор.

Подъем занял двадцать секунд. Когда мы вышли на галерею второго этажа, я почувствовал, как пальцы Эбби, сжимавшие мой локоть, мелко, едва заметно дрогнули.

— Дыши, Хартли, — одними губами, не меняя позы, шепнул я ей в ухо. — Ты только что размазала службу безопасности Маркуса Вейла в пыль.

— Я чуть не умерла от страха, Бэннон, — так же едва слышно, не разжимая улыбки, выдохнула она сквозь зубы. — Где твоя аппаратная?

Салон «Святая Святых» был оазисом абсолютной, порочной роскоши.

Здесь не было шума автоматов. Играла приглушенная джазовая музыка, официанты разносили шампанское урожая 1996 года в хрустале «Баккара», аза зелеными столами сидели арабские шейхи, техасские нефтяники и голливудские продюсеры. Минимальная ставка на сукне начиналась от десяти тысяч долларов.

Прямо над центром зала, нависая над игровым пространством, располагался глухой стеклянный балкон третьего этажа с зеркальной тонировкой.

Тиражная аппаратная Маркуса Вейла. Место, где стоял сертифицированный государственный генератор случайных чисел.

— На двенадцать часов, — тихо бросил я через микронаушник. — Подвесной балкон. Мне нужно встать у балюстрады в центре зала и продержать правую руку на перилах ровно шестьдесят секунд.

— Поняла, — отозвалась Эбби. — Работаем по плану «Бостон».

Она уверенно, покачивая бедрами, направилась прямо к центральному столу блэкджека с табличкой: *«No Limit. VIP Only»*.

За столом сидели двое: пожилой японец в кимоно и тучный техасец с незажженной сигарой. Раздачу вел старший пит-босс казино — седой, гладко выбритый мужчина с цепким взглядом ястреба по имени Донован, проработавший на Вейла последние двадцать лет.

Эбби грациозно опустилась на высокий кожаный стул напротив дилера. Положила тонкие обнаженные руки на сукно:

— Добрый вечер, джентльмены. Надеюсь, в этом заведении найдется место для легкой бостонской скуки?

Техасец хмыкнул, японец сдержанно поклонился. Дилер Донован вежливо улыбнулся, скользнув взглядом по ее колье: — Для вас — в любое время, мисс. Какова будет ставка?

Эбби небрежно открыла клатч, достала тяжелую керамическую фишку номиналом в двадцать пять тысяч долларов — весь наш оперативный депозит — и с легким щелчком бросила ее в центр круга.

Техасец выронил сигару. Дилер едва заметно приподнял бровь: — Ставка принята. Двадцать пять тысяч.

Я занял позицию в трех футах за ее спиной, прямо у резной балюстрады, разделявшей столы.

Сложил руки за спиной в классической позе телохранителя, слегка выставив правый манжет вперед, направляя платиновую запонку точно на зеркальное стекло аппаратной на третьем этаже.

В левом ухе раздался тихий, прерывистый писк Авы Куинн: *«Сниффер захватил радиофон… Полоса три гигагерца… Идет сканирование несущей частоты… Осталось пятьдесят секунд. Не шевелись, Коул»*.

Дилер начал раздачу.

Шуршание карт по сукну звучало как шелест осенних листьев.

Первая карта Эбби — дама пик. Десять очков.

Вторая карта — шестерка червей.

Итого шестнадцать. Худшая, самая смертоносная рука в блэкджеке. У дилера открыта семерка. По всем законам теории вероятностей игрок на шестнадцати обязан замереть, надеясь на перебор у казино. Любая карта выше пятерки отправляет ставку в двадцать пять тысяч долларов в доход заведения.

В этот момент двое охранников у боковой двери зала напряглись. Один из них указал пальцем на меня, что-то быстро говоря в скрытый микрофон на лацкане. Один из них сделал шаг в мою сторону.

«Осталось тридцать секунд… — шептал наушник. — Пакет данных расшифровывается… Еще тридцать секунд, Коул!»

Охранник приближался, его рука легла на пояс.

Эбби увидела его отражение в зеркальной колонне перед собой.

Она звонко, вызывающе расхохоталась на весь тихий VIP-зал, запрокинув голову, так что бриллиантовое колье ослепительно вспыхнуло в свете люстр. Все взгляды в комнате — включая дилера, техасца и обоих приближающихся охранников — мгновенно приковались к ее декольте и смеющимся губам.

— Шестнадцать? Какая банальность! — воскликнула она, постучав длинным ногтем по сукну прямо перед носом опешившего дилера. — Карту мне, любезный!

Техасец крякнул:

— Леди, у дилера семерка! Вы сгорите к чертовой матери!

— Я приехала в Неваду не для того, чтобы считать гроши, джентльмены! — дерзко парировала Эбби, ее глаза полыхнули черным огнем. — Карту!

Дилер заколебался на долю секунды, подцепил верхнюю карту из шуза и щелкнул ею по сукну, переворачивая лицом вверх.

Пятерка треф.

Шестнадцать плюс пять — ровно двадцать одно!

Зал ахнул.

Техасец восторженно врезал кулаком по столу: «Вот это яйца у девочки!», японец закивал головой, а дилер замер с открытым ртом, механически пододвигая к Эбби выигрыш — две золотые фишки по двадцать пять тысяч. Пятьдесят тысяч долларов чистой прибыли за один раунд на сумасшедшем блефе.

Охранники у колонны заулыбались, решив, что перед ними просто ненормальная богатая вертихвостка, швыряющаяся деньгами любовника, и отступили назад.

А в моем ухе раздался сухой, победный щелчок Авы Куинн: *«Есть! Несущая частота захвачена! Спектрограмма зафиксирована в буфере! Уходите, немедленно!»*

Эбби сгребла золотые фишки в клатч, даже не пересчитывая, грациозно поднялась со стула, оправила шелк платья и бросила мне через плечо с великолепной, ленивой скукой:

— Скучно, Бэннон. Здесь совершенно не умеют рисковать. Вызови машину. Мы уезжаем.

Мы спустились по эскалатору, миновали биометрический портал под завистливые взгляды игроков и вышли в теплую, пахнущую выхлопами и свободой ночь Стрипа ровно за две минуты до того, как служба безопасности спохватилась.

Мы влетели в подпольную мастерскую на Фримонт-стрит в половине второго ночи.

Дверь из рифленого железа захлопнулась с тяжелым грохотом, Рико мгновенно задвинул три кованых засова и врубил генератор помех.

Ава Куинн перехватила мой планшет, вставила шнур сниффера в терминал, и на мониторах побежали зеленые графики спектрального шума:

— Сигнал чистый! Мы получили физическую сигнатуру генератора лотереи! Коул, расшифровка займет у нас два часа. Мы с Рико уходим в экранированный бокс в подвале, чтобы исключить наводки от городской сети.

— Действуйте, — коротко бросил я.

Они скрылись за тяжелой бронированной дверью подвального шлюза. Щелкнул замок.

Мы остались в мастерской вдвоем.

Тишина обрушилась на нас, как бетонная плита. Только тихий синий свет гирлянды на кактусе в углу и тусклая полоса от уличного фонаря сквозь пыльное окно под потолком.

Эбби стояла посреди комнаты.

Ее дыхание было частым, глубоким, прерывистым. Она сбросила шпильки прямо на бетонный пол, оставшись босой. Клатч с пятьюдесятью тысячами долларов полетел на верстак, сбив пустую жестяную банку из-под канифоли.

Она повернулась ко мне.

Ее зрачки были расширены на всю радужку, темные глаза лихорадочно блестели от дикого, пьянящего, сокрушительного адреналинового отката. Румянец на ее скулах горел ярче помады. Она вся мелко, неудержимо дрожала от той первобытной, ненасытной электрической волны, которая накрывает выживших после смертельной схватки.

— Мы сделали это, — выдохнула она хриплым, сорванным шепотом. — Коул… мы только что сделали их в их же собственном зале…

Я сделал шаг к ней, собираясь заговорить, но она не дала мне открыть рот.

Она шагнула навстречу — стремительно, как бросок пантеры. Ее тонкие, сильные руки вцепились в лацканы моего строгого пиджака охраны, с силой рванули меня на себя и толкнули спиной назад.

Я с глухим стуком врезался лопатками в край широкого кожаного дивана мастерской.

— Эбби… — выдохнул я.

— Молчать, телохранитель, — прошептала она мне прямо в губы. Ее голос вибрировал от темной, властной, сводящей с ума страсти. — Ты помнишь, кто здесь командует? Я наняла тебя выполнять приказы.

Ее пальцы судорожно впились в мой узкий галстук, дернули узел вниз, расстегивая верхние пуговицы сорочки. Ее рот накрыл мои губы — жадно, яростно, со соленым вкусом помады и чистого огня. Ее язык ворвался внутрь, требуя, заставляя отвечать на эту стихию с той же первобытной свирепостью.

Я глухо застонал ей в губы, мои руки сами метнулись к ее талии, сминая тонкий шелк вечернего платья. Кожа под разрезом на ее бедре была обжигающе горячей.

— Эбби… стоп-слово… — попытался я напомнить сквозь сбившееся дыхание, чувствуя, как контроль осыпается прахом.

— К черту «пряники», Бэннон, — выдохнула она, отрываясь от моих губ на секунду, чтобы сбросить тонкие лямки платья с плеч. — Раздень меня. Немедленно.

Шелк платья зашуршал, соскользнул вниз по ее бедрам и упал к ее босым ногам черной волной. Она осталась передо мной в одном тончайшем кружевном белье цвета спелой вишни и бриллиантовом колье на шее, вздымающемся от тяжелого, прерывистого дыхания.

В полумраке подпольной мастерской, среди железа и пыли, ее тело казалось живым, сияющим божеством.

Я сорвал с себя пиджак и рубашку, швырнув их на верстак. Подхватил ее под бедра, легко оторвав от пола, и опустил на старую потрескавшуюся кожу дивана, нависая сверху.

Это было абсолютно непохоже на целебную нежность вермонтской купели.

Здесь не было снега и покоя. Здесь кипел Вегас — опасный, грешный, не знающий жалости город, где ставки взлетели до небес. Эбби сама тянула меня на себя, ее длинные ноги обвили мою талию, ногти с силой впивались в мышцы моей спины, оставляя горящие царапины.

— Смотри на меня, Коул, — требовала она, запрокидывая голову на кожаную спинку, ее шея выгнулась, открывая линию горла.

Я вошел в нее единым, глубоким движением.

Эбби вскрикнула — звонко, сладко, заглушая стон в моем плече, впиваясь зубами в кожу над ключицей. Ее внутренний жар сомкнулся вокруг меня влажными, пульсирующими тисками, выбивая из головы последние мысли о формулах и серверах.

Ритм был бешеным.

Диван глухо поскрипывал в такт нашим телам. Металлические инструменты на соседнем верстаке тихо звенели от вибрации. Я держал ее за бедра, поднимая, направляя каждый толчок с той неистовой, голодной силой, которую сдерживал все эти дни. Эбби отвечала мне каждым нервом, каждым сокращением мышц, выгибаясь навстречу, требуя большего, шепча бессвязные, горячие слова прямо мне в губы:

— Еще… Коул… пожалуйста… не останавливайся… сильнее…

Ее оргазм накатил внезапно — мощный, сокрушительный, разорвавший ее тело сладкой спазматической судорогой. Она выгнулась дугой, вцепившись пальцами в мои волосы, ее бедра задрожали мелкой дрожью, из горла вырвался долгий, захлебывающийся стон освобождения.

Секундой позже, почувствовав, как ее мышцы сжимают меня до боли, я сделал три финальных, сокрушительных толчка и замер, содрогаясь всем телом, изливаясь в нее до последней капли под мерное мерцание неонового кактуса в углу.

Мы лежали на диване в тишине, тесно сплетясь телами, укрытые тяжелым шерстяным пледом, который я стянул со стеллажа.

Эбби дремала у меня на груди. Ее пальцы лениво перебирали каштановые волоски, дыхание щекотало шею. Бриллиантовое колье холодом касалось моей ключицы, напоминая о безумном блефе за столом блэкджека.

На часах было ровно четыре утра.

Вдруг в железную дверь мастерской со стороны глухого переулка раздался резкий, сухой, торопливый скрежет.

Потом короткий, дробный стук. Условный сигнал Рико: три коротких, два длинных.

Я мгновенно открыл глаза, бесшумно поднялся с дивана, натягивая брюки и подхватывая с верстака тяжелый разводной ключ. Эбби приподнялась на локте, натягивая шелковое платье на грудь, ее глаза снова стали настороженными и ясными.

Я подошел к двери, отодвинул засов и приоткрыл тяжелую стальную створку на пару дюймов.

В проеме стояли двое.

Дейл и Расти.

Оба были в дорожных куртках, покрытых дорожной пылью после перелета, но на их лицах не было усталости. Была мрачная, звериная ярость. А между ними, согнутый пополам и судорожно хрипящий от железного захвата Дейла, висел тощий парень лет двадцати пяти в бейсболке службы курьерской доставки казино «Золотой Туз».

Дейл одним рывком втолкнул пленника внутрь мастерской, швырнув его на бетонный пол у ног верстака, как мешок с картошкой.

Расти захлопнул дверь, привалился к косяку своей тростью и сплюнул сквозь зубы:

— Доброе утро, шеф. Мы только с рейса сошли, Рико нас подобрал. А этот клоун полчаса ползал на брюхе под машиной на парковке, пытался магнитный GPS-трекер с микрофоном на глушитель прилепить.

Дейл наступил тяжелым армейским ботинком на руку курьера, отчего тот взвизгнул, и бросил на верстак передо мной измятый лист плотной бумаги с золотым гербом холдинга Вейла, извлеченный из внутреннего кармана куртки пленника:

— В кармане у него нашли, шеф. Служебная директива тиражной комиссии, подписанная лично Маркусом Вейлом два часа назад.

Я развернул лист. Мои глаза забежали по строчкам служебного приказа:

«В связи с технической оптимизацией новогодней телевизионной сетки вещания, финальный тираж новогодней лотереи "Золотой Туз" на пятьдесят миллионов долларов переносится с 22:00 на 18:00 тридцать первого декабря. Все подготовительные процедуры завершить к 17:00…»

Дверь подвала распахнулась.

На лестнице появилась Ава Куинн с бледным, осунувшимся лицом. Она перевела взгляд с измятого приказа на настенные часы мастерской:

— Он перенес тираж на шесть вечера… Вейл понял, что мы подобрались к частоте, и срезал нам четыре часа запаса.

Следователь сжала кулак до белизны в костяшках:

— У нас осталось меньше тридцати шести часов. До того, как он запустит автомат и закроет ловушку навсегда.

Глава 11

Эбби

В восемь утра пустыня Мохаве проснулась и выдохнула сухой, пыльный жар.

Сквозь узкие фрамуги под потолком подпольной мастерской на Фримонт-стрит пробивались косые, жесткие полосы белесого невадского солнца. В них медленно кружилась мелкая цементная пыль. Воздух пах остывшим машинным маслом, канифолью, крепчайшим мексиканским кофе Рико с кайенским перцем и терпким, мускусным жаром нашего безумного ночного реванша на

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.